

В повисшей гнетущей тишине раздался резкий, слегка язвительный женский голос, разорвавший оцепенение.

— Шеф, а что если в следующий раз мы накажем того, кто напишет лучшую историю? Все приехали сюда за настоящим, пробирающим до костей кошмаром. Никто не будет против, если его туда забросит.

Цзин У вполне ожидаемо повернулся на звук и наткнулся на колючий, полный ненависти взгляд младшей из сестер-близнецов. С самой первой встречи эта девица буквально исходила ядом, цепляясь к нему по любому поводу. Он так и не понял, в чем причина: то ли у прежней владелицы тела — почившей старухи Мо — были с ней старые счеты, то ли близняшка первой заподозрила неладное.

— Отличная мысль, — едва сдерживая клокочущую ярость, процедил сквозь зубы Се Фэй. — В третью ночь правила меняются. Наказание понесет тот, кто напишет лучшую историю.

Цзин У ничуть не обиделся. Напротив, в глубине души он даже злорадствовал.

«Тяжела доля круглых отличников! Какое же счастье, что я у мамы двоечник».

Конечно, соваться в чужую обитель рискованно, но Цзин У не видел принципиальной разницы. Его в любом случае попытаются сжить со свету, так какая разница, в каком месте фэншуй благоприятнее для похорон?

Впрочем, лечь в гроб он не собирался. Значит, придется угробить кого-то другого. А уж заботиться о чужих могилах — увольте, они ему не предки, благословения с того света все равно не пришлют.

Запустился следующий круг. Все, точно провинившиеся школьники перед строгим учителем, послушно склонились над столом и принялись строчить новые истории. Глядя на это изнурительное творческое безумие, Цзин У всерьез засомневался, что люди протянут долго — их скорее прикончит умственное истощение, нежели козни местных тварей.

Прекрасно понимая, что сегодня ему лавры победителя не светят, Цзин У застрочил еще более вычурную и нелепую чушь, руководствуясь единственным желанием — посильнее досадить Се Фэю.

Расправившись с писаниной в два счета, он принялся откровенно валять дурака. Лениво покручивая ручку и выводя в воздухе невидимые загогулины, он краем глаза следил за «Книгой кошмаров», которую держал Се Фэй.

Эта вещица манила его. Цзин У твердо вознамерился прибрать фолиант к рукам.

Судите сами: книга находится на седьмом этаже. Седьмой этаж принадлежит отелю «Рай». ОТЕЛЬ принадлежит ему. Следовательно, книга изначально его. Математически безупречно.

А раз так, значит, сейчас ее нагло удерживает мерзкий воришка, который мало того что не желает возвращать чужую собственность, так еще и планирует сжить законного хозяина со свету, дабы присвоить трофей навеки.

Будучи верным рыцарем справедливости, Цзин У не мог допустить подобного беззакония!

Вдохновившись этой мыслью, он вновь прижал перо к бумаге и принялся щедро разбавлять сюжет новыми деталями. В рассказ ворвался отважный защитник добра, пафосная трансформация прекрасной воительницы и карающий гнев во имя Луны...

Строчки мгновенно отразились на страницах «Книги кошмаров». Мазнув по ним взглядом, Се Фэй скривился так, будто ему в глаза плеснули кислотой. Не в силах выносить этот бред, он с раздражением перелистнул страницу, начисто потеряв желание вчитываться в каракули.

Стоило часам пробить срок, как Се Фэй поспешно провозгласил:

— Лучшая история у сестер Аньань и Цзинцзин.

Он даже не взял паузу для приличия, совершенно не заботясь о том, насколько шитыми белыми нитками выглядит этот сговор. Похоже, притворству пришел конец — противники окончательно сорвали маски.

Но почему победу присудили дуэту? Разве творчество не подразумевает индивидуальную работу?

Цзин У окинул близнецов задумчивым взглядом. Видимо, эти двое творили исключительно в паре, никогда не разделяясь. А уж когда он сопоставил их имена, на душу набежала легкая усмешка.

Младшая из сестер, судя по всему, та самая Цзинцзин, полоснула его ледяным взглядом:

— Сейчас ты на собственной шкуре узнаешь, что такое настоящий кошмар.

Цзин У, едва сдерживая смех, ласково отозвался:

— Хорошо-хорошо, деточка. Твоей бабушке как раз не помешает немного тишины.

Услышав издевательский намек на свое имя, Цзинцзин едва не взвилась на дыбы, готовая

перевернуть стол. К счастью, Се Фэй среагировал мгновенно: резко захлопнул фолиант и без лишних предисловий утянул всех в мир кошмаров.

Цзин У вновь очутился в номере 706.

Осмотревшись, он мысленно вздохнул: здешняя обстановка уже порядком намозолила глаза. Обычный гостиничный номер, а он возвращается сюда раз за разом, будто к себе домой — скоро каждый гвоздь наизусть знать будет.

Здесь же обнаружилась и «Книга кошмаров», сменившая дислокацию. Теперь она преспокойно возлежала на тумбочке у самого изголовья кровати.

Оценив этот маневр, Цзин У всерьез заподозрил, что книжка устроилась там с одной-единственной целью — поглазеть на пикантные сцены с максимально удобного ракурса.

— Привет, давно не виделись, — протянул он.

Стоило ему сделать шаг вперед, как фолиант едва заметно отполз к противоположному краю тумбочки, словно предупреждая: держи дистанцию, смертный.

Цзин У послушно замер у кровати. Подперев подбородок ладонью, он заговорщически прищурился:

— Ну колись, тебе просто клубнички захотелось? Иначе с чего бы устраиваться на самом интимном месте?

Книга неожиданно раскрылась, сердито зашуршав страницами, словно отчаянно мотая головой.

— Не верю, — покачал головой Цзин У.

Шелест стал яростным, почти обиженным. В конце концов на белом листе стремительно проступили крупные чернильные буквы:

[Ложь! Ничего подобного! Это грязная клевета!]

С такого расстояния Цзин У отчетливо разглядел почерк — изящные, округлые буквы явно вывела женская рука.

К тому же перед тем, как страницы пришли в движение, он успел заприметить обложку. Прямо под заголовком красовались две строчки, набранные мелким шрифтом: имя автора из трех иероглифов и название какого-то портала из пяти.

Оба названия показались ему смутно знакомыми. Получив первую реальную зацепку, Цзин У решил не упускать шанса разузнать побольше.

— Слушай, а в следующий раз можно локацию сменить? — лениво протянул он. — Этот номер у меня уже в печенках сидит.

«Книга кошмаров» затаилась, не выказывая признаков жизни.

Цзин У разочарованно цыкнул:

— Да ладно, неужели слабо? Какая же ты беспомощная.

В ту же секунду страницы бешено зашелестели. Мир перед глазами Цзин У совершил безумный кульбит, голова пошла кругом, а в следующее мгновение он уже стоял посреди коридора.

Посыл книги считывался без слов: «Не нравится в комнате? Катись к черту!»

Вспышка была столь стремительной, что Цзин У даже не успел осознать переход.

Он задумчиво потер подбородок. Желание завладеть этой книжицей вспыхнуло в нем с новой, непреодолимой силой.

Подобный артефакт мгновенного перемещения давал сто очков вперед любым легендарным свиткам телепортации. Цзин У твердо решил: если он не приберет ее к рукам, то заработает глубокую депрессию.

Размышляя о грядущем похищении, он принялся изучать обстановку.

Коридор седьмого этажа ничем не отличался от прежнего, за одним исключением: двери во все комнаты были слегка приоткрыты. Беглого взгляда внутрь хватало, чтобы понять — там никого.

Похоже, постояльцы испарились, оставив его на этаже в гордом одиночестве.

Ведомый тремя долями любопытства, тремя долями осторожности и четырьмя долями извечного принципа «раз уж пришел, грех не заглянуть», Цзин У первым делом толкнул дверь

в номер 707, где обитал Се Фэй.

Хозяина внутри, разумеется, не оказалось.

Зато обстановка выглядела до боли знакомой.

В абсолютно пустой комнате не было ничего, кроме цепочки багровых следов, густо усеявших пол.

Кровавые отпечатки тянулись от самого порога к тумбе под телевизором, на которой стоял стандартный аппарат внутренней связи.

Сам красный корпус аппарата высился на тумбе, а вот трубка валялась на полу, покрытая бурыми пятнами крови.

Цзин У остановился, разглядывая находку. Сомнений не оставалось — этот аппарат выглядел точь-в-точь как тот, что он заприметил на шестом этаже.

Неужели здешний телефонный призрак — двойник того самого духа, которого он уже успел трудоустроить?

Словно в подтверждение его догадки, телефон внезапно ожил.

Раздался залиvistый треск. Прежде чем Цзин У успел наклониться, трубка на полу сама собой щелкнула, динамик ожил, и из него донесся знакомый голос:

— Алло? Алло, есть кто-нибудь?

Звучал настоящий голос Юэ Цзиньтаня — без фальшивых интонаций, которыми тот пользовался в образе парня в бейсболке.

Решил сбросить маску? Неужели он тоже застрял в иллюзии, или же кошмар просто проанализировал их прошлые беседы и теперь умело имитирует тембр и интонации?

— Кха-кха... Есть кто живой? Я... долго не протяну... Помоги...

Юэ Цзиньтань на том конце провода хрипел, прерывисто и тяжело втягивая воздух.

Цзин У отозвался с неприкрытым скепсисом:

— Судя по объему легких, помирать ты не собираешься. Держись там, верю в тебя, бро!

Отсыпав бедолаге щедрую порцию мотивационного бреда, Цзин У подцепил носком туфли валявшуюся на полу трубку и зашвырнул ее обратно на рычаг.

Уходить он не спешил, решив дождаться следующего раунда.

Предчувствие не подвело — телефон надсадно заверещал уже через минуту. Теперь Юэ Цзиньтань хрипел едва слышным шепотом, будто загнанный в угол зверь, пытающийся не выдать своего убежища.

— Алло... Помогите... Я действительно умираю...

— Да ну? — протянул Цзин У с глубочайшим сомнением.

— Умоляю! — взмолился собеседник на грани истерики. — Я в...

— Да плевать мне, где ты, — бесцеремонно перебил Цзин У. — Раз уж ты одной ногой в могиле, продиктуй лучше пин-код от карты и пароль от телефона. Обещаю похоронить по высшему разряду.

В трубке воцарилась звенящая тишина.

Из трубки доносилось лишь прерывистое, kloкочущее сопение. Кажется, лже-Юэ едва не задохнулся от ярости.

— И кстати, возиться с трупами — примета плохая, так что накинь сверху за вредность.

Щелк! На том конце наконец бросили трубку.

Цзин У разочарованно цокнул языком:

— Халтура. Ни капли не похоже. Настоящий Юэ уже на первой секунде послал бы меня на хер.

Впрочем, благодаря этой маленькой провокации он процентов на 70 уверился, что имеет дело с тем самым телефонным призраком — характерным вздорным типом.

Вспомнив, как этот дух обожает ковыряться в чужих смартфонах ради сочных сплетен, Цзин У тихо хмыкнул под нос:

— С таким-то паршивым характером... Интересно, что в нем нашел Бинтованный призрак? Любитель садомазо, не иначе.

Он пренебрежительно покачал головой, словно делаясь мыслями со стенами, и двинулся к выходу.

Стоило ему переступить порог номера 707, как трубка на полу резко взмыла вверх, с сухим стуком опустилась на рычаг аппарата и затихла.

Обиделся, бедняга, или просто завис?

Цзин У было не до чужих душевных терзаний, да и на сплетни времени не оставалось — перед ним выросла угроза посерьезнее.

Стоило ему шагнуть в коридор, как навстречу рванулся целый ворох мертвенно-бледных рук.

Эти вялые, скользкие, точно разваренная лапша, конечности мгновенно облепили его тело, спеленав бедолагу в подобие тугого кокона.

Откуда-то издалека донеслись два созвучных голоса:

— Попался!

— Ты погубил моего ненаглядного!

На противоположном конце коридора показалась Цзинцзин, буквально испепеляя пленника ненавидящим взглядом.

В этот момент Цзин У наконец понял, за что младшая близняшка ополчилась на него и как ей удалось раскрыть его маскировку.

В конце концов, если бы она не почувствовала, что любимый человек превратился в пустышку-куклу, грош цена была бы ее чувствам.

Правда, вспомнив истинное лицо той «бабули Мо», а затем переведя взгляд на цветущую Цзинцзин, Цзин У ощутил глубокое потрясение.

— И у такого ничтожества есть девушка? — оказавшись спеленатым по самый подбородок, Цзин У все равно не удержался от едкой шпильки. — Милочка, твоему вкусу позавидует любой музей редкостей. Это же надо умудриться!

— Тут я с тобой согласна, — раздался голос с противоположной стороны.

Из полумрака соткалась фигура Аньань.

Цзин У моментально состроил жалобную мину, уставившись на старшую сестру и отчаянно семафоря глазами в поисках поддержки.

Но та осталась непреклонна:

— Увы, семейные узы превыше всего. Она моя сестра, так что играть я буду за ее команду.

— Нет, серьезно, этот недомерок же мелкий и уродливый, как черт знает что. За какие такие заслуги ты в него втрескалась? — Цзин У висел неподвижно, создавая иллюзию полной покорности, но его язык безжалостно продолжал строчить словесные пули. — Вы с ним случайно в мужском туалете не пересекались, пока ты прикидывалась парнем? Неужели он тебя размерами поразил?

— Пошел ты! Пошляк недоделанный! Я полюбила его за великий талант! — взвизгнула оскорбленная в лучших чувствах Цзинцзин.

Она яростно взмахнула рукой, призывая новые порции скользких рук. Конечности стянулись еще туже, бесцеремонно вздернув Цзин У под самый потолок.

— Талант напяливать женское тряпье и косить под бабку? — не унимался тот.

И ведь ладно бы просто прикидывался старухой Мо, так этот тип в таком виде еще и умудрялся строить ему глазки! На кой черт, спрашивается?

Цзин У искренне недоумевал.

Кстати, как он вообще раскусил эту «старушку»? Да просто гей-радар у Цзин У работал без сбоев. Стоило той кокетливо попросить донести чемоданы, как внутренний датчик завопил на ультразвуке: перед ним мужик, причем из «наших».

Праздные домыслы развеялись: под маской старухи скрывался вполне себе молодой юноша.

Видит бог, когда обман раскрылся, Цзин У сам знатно прифигел. Жизнь явно не готовила его к столь глубокому погружению в бездну чужих девиаций, о которых он предпочел бы никогда не знать.

Поначалу он даже подозревал, что в этой мутной конторе все поголовно грешат маскарадом.

Но реальность оказалась прозаичнее: обитатели лагеря вели себя вполне пристойно, и никто, кроме этого покойного чудика, не увлекался ролевыми играми с переодеванием.

Слова Цзин У попали по больному месту. Цзинцзин истошно взвизгнула:

— Да что ты понимаешь, невежа! Он делал это ради искусства! Ему требовалось прочувствовать характер изнутри, слиться со своим героем! Это было профессиональное погружение в роль!

— А то, что он гей, ты тоже в рамки искусства вписала? — ехидно поинтересовался Цзин У.

— И это часть амплуа! — упрямо выкрикнула девица. — Просто временное помутнение, он слишком глубоко ушел в образ! Он бы обязательно исправился!

Услышав этот бред, Аньань не выдержала и красноречиво закатила глаза.

Цзин У оставалось лишь мысленно поаплодировать такой наивности.

С тех пор как он принял собственную ориентацию и обзавелся связями в теме, ему довелось повидать многое: и фиктивные браки ради прикрытия, и смену пола... Но чтобы ориентация менялась по щелчку пальцев — подобную чушь он слышал впервые.

Будь это так просто, несчастных не упрятывали бы в былые времена в дурдомы, подвергая карательной психиатрии и жестоким пыткам в бесплодных попытках «исцеления».

Цзин У решил: против такой запущенной стадии влюбленности нужно действовать проверенным методом.

Раз уж девице так не терпится завести роман — что ж, придется подогнать ей нового ухажера.

— Подумаешь, лишилась одного парня. Велика беда, — лениво бросил он.

— Да что ты понимаешь?! Я потеряла любовь всей своей жизни! Свое женское счастье!

Цзинцзин исходила пеной, напоминая типичную одержимую соперницу из третьесортных мелодрам. У нее было все — и красота, и деньги, но она упорно рушила собственную жизнь ради сомнительного кавалера, стремясь к неизбежному и позорному финалу.

— Как насчет компенсации? — предложил Цзин У. — Выдам тебе нового кавалера. Писаного красавца.

— Сдохни, тварь! — Цзинцзин резко взмахнула руками, затягивая мертвую петлю на его шее.
— Думаешь, меня можно купить дешевой подачкой?!

— Да я ведь на полном серьезе...

Внезапно сковывавший его кокон с треском лопнул изнутри. В воздухе полоснула багровая вспышка, и плотные путы безжизненных рук разлетелись надвое. Цзин У мягко, по-кошачьи приземлился на ноги. На его ладонях тускло поблескивали черно-красные перчатки. Разумеется, приземлившись, он не упустил возможности замереть в эффектной позе, нагоняя пафоса.

Сестры синхронно отшатнулись, разрывая дистанцию.

Пол вокруг него усеяли обрубки бледных рук, которые продолжали судорожно дергаться и скрести когтями паркет, точно потревоженные мертвецы.

Пока близняшки ошарашенно пятились, Цзин У резким движением сорвал с себя остатки маскировки, открывая миру свое истинное, чертовски привлекательное лицо.

— Ну что, детка, как тебе такой кандидат? — Цзин У одарил онемевшую девицу обезоруживающей, порочной улыбкой и игриво подмигнул ей.

Сердце Цзинцзин предательски затрепетало, а на щеках выступил девичий румянец.

Ее решимость мгновенно дала трещину.

— Идиотка, — донесся сзади полный презрения шепот сестры. Любовная лихорадка воистину неизлечима. — Ты только что пыталась отправить его на тот свет! Какое «поладим»? Не боишься, что он перережет тебе глотку при первой возможности?

Цзинцзин вновь засомневалась. Глядя на парня широко распахнутыми глазами, она робко спросила:

— А ты... очень злопамятный?

Сказать «нет» значило бы погрешить против истины — Цзин У злопамятностью отнюдь не обделен.

Но, к счастью, спасение явилось вовремя, словно долгожданный дождь в засуху.

Дверь номера 704 распахнулась, и в коридор вышел Юэ Цзиньтань. Окинув взглядом

развернувшуюся перед ним картину, он выразительно выгнул бровь.

— Он! — Цзин У резко ткнул пальцем в сторону Юэ Цзиньтаня. — С ним вы точно не ссорились. Ему-то ты поверишь?

Цзинцзин замялась. Пока она не видела лица новоприбывшего, ее взгляд продолжал заворуженно скользить по Цзин У.

Будем честны: здешний босс укладывал ее безвременно ушедшего ухажера на лопатки одним только профилем.

Цзин У не хотел портить отношения с сестрами окончательно. Тренировочный лагерь писателей скрывал слишком много тайн, да и в мотивах Се Фэя еще предстояло разобраться.

Пользуясь тем, что Юэ Цзиньтань пребывал в полном неведении относительно разыгравшейся драмы, Цзин У коршуном налетел на него, сорвал бейсболку, а вторым движением лихо стянул с бедолаги футболку.

Юэ Цзиньтань опешил настолько, что даже забыл оказать сопротивление. К чему такая внезапная дикая страсть? Неужели эти близняшки опоили его напарника каким-то афродизиаком?!

Но прежде чем он успел вставить хоть слово, Цзин У бесцеремонно подтолкнул его вперед:

— Смотри! Кубики самые что ни на есть настоящие. Ну как, такую фигуру одобряешь?

Цзинцзин мгновенно переметнулась в другой лагерь, часто-часто закивав:

— Одобряю, еще как одобряю!

Аньань едва не задохнулась от гнева:

— Цзинцзин! Ну какая же ты дура!

Младшая тихонько сглотнула слюну:

— Но сестрица... У него же кубики! Целых восемь штук, я посчитала!

— И толку? Он тебя хотя бы любит? — резонно осадил ее Аньань.

— Ой, сестрица, узко ты мыслишь, — вставил Цзин У. — Вокруг столько шикарных мужчин, зачем вешаться на первом попавшемся дереве? Парнями нужно пользоваться ради удовольствия, а не душу им изливать.

С этими словами он с силой толкнул полуобнаженного Юэ Цзиньтаня прямо на Цзинцзин. Парочка едва не столкнулась нос к носу.

— Забирай, дарю! Развлекайтесь на здоровье, а я, так и быть, постою на шухере!

Юэ Цзиньтань:

«...»

Станет ли когда-нибудь Цзин У элитным жиголо — вопрос открытый, но вот талант содержателя борделя у него явно в крови.

Юэ Цзиньтань и звука издать не успел, как его среди бела дня продали с потрохами. Ну каков чертяка!

<http://bllate.org/book/20146/2151291>